

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.5>

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ПРОВОКАЦИИ КАК ОСНОВА КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ РИТОРИКИ В
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Научная статья

Безруков А.Н.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-7505-3711;

¹ Уфимский университет науки и технологий, Бирск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (in_text[at]mail.ru)

Аннотация

Новый этап развития русской литературы – начало XXI века – 2020-е годы – по определению является трансформационным. Появляются текст созданные на принципах контраста с классикой, автор стремятся создать в своих произведениях эффект противостояния, чаще слышится языковая провокация, основанная на принципах риторики. Следовательно, языковое пространство, языковая ткань нуждается в точечной оценке и анализе. На наш взгляд, на примере лирики конструктивно пронаблюдать подобные явления. В качестве эмпирической базы исследования выбран сборник стихов, выпущенный после шоу «СУПЕРСТИХИ». Поэтические дуэли оценивались профессионально, финалисты достойны. Анализ текстов сделан с учетом частотности использования провокационных языковых форм: риторический вопрос, обращение, восклицание, фигура умолчания, нивелирование знаков пунктуации, заглавных, строчных букв. Указанные приемы свойственны поэзии Ирины (Ах) Астаховой, Юлии (Сола) Моновой, Алёны Белавежской, Захара Зорькина, Дианы Никифоровой, Александра (ST) Степанова. В работе обозначен также функциональный аспект использования языковых провокаций, определена тенденция к подобной смысловой игре. Доказывается, что границы текста нивелируются, эстетический код дешифруется с помощью открытой провокации, смысл начинает мерцать. Сделан вывод, что современный литературный процесс обогащается за счет открытого эксперимента с поэтическим словом, стилистической фигурой, а риторическая конвенция достижима только в условиях принятия множества позиций.

Ключевые слова: современная русская поэзия, языковая провокация, игра, конвенциональная риторика, поэтическая фигура, Ирина Астахова, Алёна Белавежская, рецептивная эстетика.

MEANS OF LINGUISTIC PROVOCATION AS THE BASIS OF CONVENTIONAL RHETORIC IN
CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY

Research article

Bezrukov A.N.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-7505-3711;

¹ Ufa University of Science and Technology, Birk, Russian Federation

* Corresponding author (in_text[at]mail.ru)

Abstract

The new stage of development of Russian literature – the beginning of the XXI century – 2020s – is by definition transformational. Texts created on the principles of contrast with the classics appear, authors seek to create in their works the effect of confrontation, language provocation based on the principles of rhetoric is heard more often. Consequently, the linguistic space, linguistic fabric needs to be evaluated and analysed point by point. In our opinion, it is constructive to observe such phenomena on the example of lyrics. A collection of poems published after the show 'SUPERSTIHI' was chosen as the empirical base of the study. The poetry duels were evaluated professionally, the finalists are worthy. The analysis of texts is made taking into account the frequency of use of provocative language forms: rhetorical question, address, exclamation, figure of default, levelling of punctuation marks, capital and lowercase letters. These techniques are peculiar to the poetry of Irina (Ah) Astakhova, Julia (Sola) Monova, Alyona Belavezhskaya, Zakhar Zorkin, Diana Nikiforova, Alexander (ST) Stepanov. The paper also outlines the functional aspect of the use of linguistic provocations and identifies the tendency towards such a semantic game. It is proved that the boundaries of the text are levelled, the aesthetic code is deciphered with the help of open provocation, and the meaning begins to flicker. It is concluded that the modern literary process is enriched by open experimentation with the poetic word, stylistic figure, and rhetorical convention is only achievable in the acceptance of multiple positions.

Keywords: contemporary Russian poetry, linguistic provocation, play, conventional rhetoric, poetic figure, Irina Astakhova, Alyona Belavezhskaya, receptive aesthetics.

Введение

Современная отечественная поэзия достаточно провокационна. Большая часть авторов стараются использовать разные варианты эпатажа. Например, это неcodифицированная лексика, жаргонизмы, просторечные экспрессивы, вульгаризмы. Одним из действенных приемов привлечения читательского внимания также является риторическая провокация, чаще всего выраженная прямым и непрямым обращением, восклицанием или вопросом. Не исключается подобный формат в текстах Ирины (Ах) Астаховой, Юлии (Сола) Моновой, Алёны Белавежской, Захара Зорькина,

Дианы Никифоровой, Александра (ST) Степанова и других. Актуальность рассмотрения указанных риторических приемов определяется массовым изменением форм коммуникации, стремлением сделать речь отличной от литературной нормы. Данные тенденции говорят об усилении функции языкового воздействия на адресата. Заметим, что говорящий и слушающий принимают эти условия. Следовательно, разворачивается языковая ситуация, а речевой контакт достигает запланированного результата. Основная цель данной работы – на примере современных поэтических текстов проследить закономерности использования средств языковой провокации, аргументировать функциональный аспект данного явления. В качестве эмпирической базы используются произведения, которые прозвучали в шоу «СУПЕРСТИХИ» (канал «TNT MUSIC»), это т.н. поэтические дуэли между современными авторами. Идейным продюсером шоу стал Александр Степанов, более известный как рэпер (ST). По итогам проекта был выпущен сборник стихотворений, который весьма популярен в молодежной среде. Стилистический, описательный и контекстуальный методы являются в работе базовыми. Материал уместно использовать в рамках изучения ряда лингвистических дисциплин.

Работа выполнена в рамках стилистического, описательного и контекстуального методов. На наш взгляд, синкретический характер оценки средств языковой провокации в современной лирике является наиболее продуктивным. Материал уместно использовать в рамках изучения ряда лингвистических дисциплин. Иллюстративный фон направлен на стихи, в которых наиболее открыто представлены средства языковой провокации, или используются фигуры речи функционально определяющие создание т.н. риторического диалога. Не исключается в ходе анализа новейшей русской поэзии рецептивная трактовка текстов, или вариант объективации коммуникативного звена с помощью герменевтической интерпретации.

Основные результаты

Поэтический текст представляет собой строго упорядоченное единство. Способы организации лирического конструкта в основном ориентированы на язык. Языковая ткань текста имеет в первую очередь формальные приметы, далее же определяются содержательные [1] составляющие. Ритмика, мелодика, размер – это, пожалуй, главные критерии поэзии, ибо возможен и нерифмованный вариант, например, белый стих, который тоже соотносится с этим родом литературы. В современной поэзии часто встречаются приемы явной, или открытой манифестации вызова. Для авторов важно подчеркнуть свою индивидуальность, свою языковую самобытность [2], отчасти и неповторимость. И все же набор средств вполне универсален: здесь можно точно отметить риторический вопрос, риторическое обращение и риторическое восклицание. Не исключаются и другие формы, типы, но в рамках данной статьи мы остановимся на перечисленных, ибо в т.н. классике XX века они были востребованы и у Владимира Маяковского, и у Николая Гумилева, и у Велимира Хлебникова, и у Игоря Северянина, и у Александра Блока, и у Алексея Крученых, и у Бориса Пастернака. С помощью языковых фигур провокативного действия формировалась метафизика случайностей [3], ориентированная на генерацию смыслов.

Для современной поэзии важно не только предать, запечатлеть эмоцию, важно также создать определенную атмосферу понимания проблемы. Тематический ценз новой поэзии широк: сфера социальной адаптации, вековечная проблематика, человек в своих действиях и поступках, реакция на действительность. Вот то, что интересно рассмотреть, разобрать, представить в режиме поэтического конструкта. Не исключается в указанном формате и вариант эпатирования. Провокация [4] не является в чистом виде агрессией, риторические обороты дают возможность достичь откровенной полемики, более точного и конструктивного диалога мнений. Современный мир все более расположен к некоей канонизации свободы, собственно, она и достигается с помощью оборотов речи свойственных разговорному типу. Отметим также и расширенный функционал этих средств: воздействие, призыв, акцент, точечное внимание, антиномия, сравнение. Лирика таких современных авторов как Ирина (Ах) Астахова, Сола Монова, Сергей Шнуров, Руслан Шишкин, Антон Аносов, Андрей Солодов, Леонид Беленький и т.д. не укладывается в традиционные рамки. Экспериментальный вариант более ей характерен, при этом преемственность взглядов так или иначе остается.

Демонстративный тон повествования, на наш взгляд, стоит рассматривать, как желание авторов все же создать продуктивный диалог, который может иметь продолжение. Авторы достаточно внимательны к своему читателю, ибо фальшь распознается практически сразу, ее невозможно утаить, скрыть от реципиента. Базовый показатель лирики новейшего времени в том, что откровение, интимность уже не предел. Воспринимается текст как совокупность обозначенных в тексте обстоятельств, отчасти лирический герой находится в пространстве большого времени. Аллюзии, реминисценции, цитации становятся принципом связи. Культура говорит сама за себя, и этого не могут не замечать и ощущать поэты. Принцип интертекста, как объединяющий фрактал, был всегда характерен литературному искусству. На поверхность литературного конструкта восходит Античность, эпоха Возрождения, литературный XIX и XX век. На наш взгляд, преемственный принцип все же присутствует, что стоит оценить как положительный момент. Факторы прецедентного использования являются, порой, неким импульсом для рождения чего-то нового, оригинального. Провокационный ценз служит также и вектором дополнений, смысловое поле лирического произведения расширяется за счет удвоения, дублирования, симуляции.

Языковая провокация в современной отечественной лирике имеет ряд функций. Допускается расширенный вариант принятия указанной формы: эмоциональное воздействие, претворение частного случая, отчасти воздействие на ситуацию, актуализация вопроса, темы. Манипуляция в рамках художественного сознания есть черта литературы. Современный социум, думается, даже ждет порой нечто подобного. Не исключался в литературном тексте извод умышленного привлечения внимания. Например, XVIII или XX век тяготели к тому, чтобы эпатировать, возмущать, при этом и убеждать читательскую публику. Для поэтов было важным конструктивно достичь цели. Грань эстетики и формально, и содержательно выдерживала подобные эксперименты, новые варианты лирики также стремятся к поддержанию указанной традиции.

Целесообразно остановиться на ряде текстов, в которых принцип языковой провокации играет ключевую роль, именно с помощью нее строится весь текст, или часть стихотворения. У Ирины (Ах) Астаховой есть стихотворение

«Тебя хоть там любят?», которое, на наш взгляд, является уникальной версией использования т.н. риторического вопроса в рамках организации текстового полотна:

*«Тебя хоть там любят? Скажи мне не мучай.
Тебя хоть там любят? Запомни, послушай –
На всякий пожарный, на экстренный случай,
Чтоб не было трудно: я вытрясла душу...»* [5, С. 39].

Первый катрен задает общий тон провокации. Риторически вопрошая Ах Астахова настраивает читателя, слушателя на полновесную разверстку эмоций от переживания особого состояния – тревога за ближнего, беспокойство за родного человека. Лексический набор очевидно экспрессивен: «не мучай», «послушай», «я вытрясла душу» и т.д. Во втором четверостишии использован риторический вопрос, который функционально связан с достижением провокационной ситуации:

*«...Чтоб снова тревогой тебя не изранить.
Я вытрясла душу в унынии комнат.
О господи, дай мне короткую память!»* [5, С. 39].

Риторика обращений нарастает с каждой новой строчной, лирическая героиня удваивает, утраивает провокационный, импульсивный, экспрессивно-эмоциональный тон:

*«Тебя хоть там любят? Лелеют? Целуют?
Тебя обнимают? Ты счастлив? Ты весел?
Нет, нет, не печалюсь. Нет, нет, не тоскую...»* [5, С. 39].

Для Ирины Астаховой потенциальный диалог с читателем выстраивается в пределах т.н. смыслового молчания. Ответов в стихотворении практически нет, что также является некоей формой молчания. Переживания имманентны, а нарицательные паузы обозначают грань обдумывания:

*«Не холодно хоть? Не грустишь? Не измучен?
Зима говорят, будет нынче суровой»* [5, С. 39].

Лирическое начало текста сводится не только к умелой попытке объясниться с потенциальным реципиентом, но и к поддержанию особого отношения:

*«Чтоб больше не выглядеть слабой и скудной.
Но помни: родных не бросают, не губят.
Ну что же молчишь ты? Скажи мне, не мучай...»* [5, С. 39].

В финале стихотворения рефреном произносится вопрос, с которого и начинался текст, циклическая форма усиливает провокационное начало:

*«Тебя хоть там любят?
Тебя хоть там любят?...»* [5, С. 39].

Таким образом, композиция выверена риторическими языковыми средствами, их использование оправдано, функциональная суть вполне убедительна. Авторская точка зрения сводится к тому, чтобы мир души, спектр переживаний, субъективный срез показать наиболее фактурно, без идеализации, при этом манифестировать главное, без чего невозможна настоящая жизнь.

Одним из финалистов шоу «СУПЕРСТИХИ» стал Леонид Беленький. Его стихотворение «Из рая» имеет также ряд примет риторической провокации. Лирический нарратив строится, как и у Ирины (Ах) Астаховой, с помощью риторических вопросов, их роль сводится к допущению вариативного диалога, однако, ответы рождаются не у автора, а у читателя:

*«Ну, привет. Как ты там разместилась в своём аду?
Как там кормят? Прогулки есть или беспредел?»* [5, С. 171].

Неординарность пространства, которое выстраивает автор уже само по себе и есть провокация. Современный мир настроен на допущение не-боязни потустороннего. Движение лирического сюжета не является самоцелью, формальные признаки нивелированы. Конкретизация риторической провокации у Леонида Беленького еще более откровенна и открыта:

*«Я готов за тобою хоть в ад. Но пока дела...
Годовой отчет. Но, дадут, может выходной.
Впрочем, проще, чтоб ты прилетела – метла цела?
Тут ведь грешников в нашем раю – просто боже мой...»* [5, С. 171].

Вариант риторической провокации поддерживается еще и фигурой умолчания, которая выражена многоточием, буквальная недосказанность манифестирована как знак. Восклицание как таковое не так часто востребовано в современных текстах, он нарочито маркирует эмоциональную нагрузку, место которой в настоящем не так много.

Одним из провокационных приемов риторической направленности становится в новейшей лирике т.н. отсутствие знаков препинания: начало строки (стиха) не имеет заглавной буквы, строчный вариант более распространен. Автор вольны не расставлять акценты, дорабатывает текст, а далее расширяет смысл уже читатель. Например, Алёна Белавевская (один из победителей шоу «СУПЕРСТИХИ») строит ряд своих текстов именно так:

*«пообещай мне «завтра» прожить без слёз
ты вечно молод, играй же мне, старый Пёс,
нашу дорогу в Хель укрывает наст.
каждый рождён... – не каждый дожить горазд
жизнь никогда не выходит из моды, нам она в самый раз»* [5, С. 189].

Рифма, ритм, метрический рисунок организованы достаточно верно, автор следует определенным канонам стихосложения, но нивелирование заглавных букв становится маркером двусмысленности. Нет в этом тексте

условного начала, нет и конца. Формула, которая обозначена итогом стихотворения, раскрывает многое. Ценностный предел для современных авторов все же схож с традицией: это «стихи», это «жизнь», это «преемственность», это «эмоция», это «Дом». Недосказанность в строчках следующего стихотворения есть попытка настроить на грамотный вариант оценки бытия:

*«я себя не ищу.
если нужно – найдёт сама.
я устала, хочу Домой, а кругом – дома.
и чем дальше в подбельскую ночь – тем чернее швы.
но ты платишь за свет, живёшь на, выходишь в»* [5, С. 197].

Эмоциональный порыв, граничащий с недосказанным, для лирической героини становится самым основным, это подобие монолога на равных. Здесь, пожалуй, и накал эмоций, здесь и нивелирование равенства, здесь и чуткое, трепетное молчание: «пустота – это так весело» [5, С. 197]. Простота современной поэзии заключается в том, что поэты стремятся нарушить правила буквальная оценки жизни, привести все в некую «не-систему». Протест, риторический оборот, вопрос, провокационный жест у Алёны Белавежской, у Леонида Беленького, у Ирины (Ах) Астаховой, у Александра (ST) Степанова это не попытка разорвать связь с читателем, но стремление достичь обратного эффекта.

Практически итоговым (финальным) стихотворением сборника «СУПЕРСТИХИ» становится текст с достаточно нарочитой анафорой, звучащей также как элемент провокации. Буквальных вопросов, восклицаний здесь нет, но лексический стандарт «почему», тяготеющий к коннотации вопроса объективирован:

*«Почему эта дата круглая, а не овальная
Почему я не сплю, если это район спальный
Почему это в ящик играют, но не поют
Почему алфавит не кончается буквой ю
Почему ты до смерти любишь, а сам живой...»* [5, С. 206].

Манипуляция с точками зрения на обычные вещи прецедентна, риторика в данном случае не является выверенной. Допустимый альтернатив соединяется в стихотворении естественно, не сложно, но правильно. Детскость, наивность, инфантильность, как таковая интуитивная догадка создают эффект эстетической достоверности. Текст становится неким подобием игры в стандарты, хотя лирической герой, или лирическая героиня допускают множественность в условиях камерности. Оригинальным образом обыгрывается те важные составляющие жизни, внимание на которые, порой, и не обращают люди. Можно констатировать, что современный читатель ждет отчасти и подобного обращение, необходимость провокации в рамках риторических формул, приемов и средств оправдано. Не трагедия становится в новой поэзии магистралью, не буквальное уничижение, не тоска дан собой, но желание воссоздать диалог на равных:

*«Почему что тебе лекарство – другим яд
Почему ты сказал «никто не пришёл» а я
Почему ты сказал «но ты» и не видишь нот
Почему так смешно, смешно, так до слёз смешно»* [5, С. 206].

Таким образом, можно отметить, что новое время объективирует новые формы, однако, их значимость и функциональность известны. Поэтический конструкт все чаще сейчас становится полем экспериментального толка. Но и поэты-шестидесятники – Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко – стремились обновить литературу, создать не буквально видимый, но смысловой предел текстов. Причем это изначально было на уровне формы, но без содержательной сути поддержать подобный эксперимент было не возможно. Тяга к трансформации в литературе не является нововведением, поэтические формулы не могут быть статичными, персонификация достаточна условна. Авторский голос зачастую ориентирован на множественность, автор не только пишет, не только соединяет, но диалогически разыгрывает ситуацию. Не случайно Алёна Белавежская умело завершает сборник следующими строчками:

*«поэт говорит: вот это катрены
вот это приёмы!
я ничего не говорю.
я алёна»* [5, С. 207].

Обсуждение

Персональность в современной лирике не является значимой, основной ориентир все же направлен на риторический протест, провокацию, эпатаж. При этом читатель понимает, что для поэта важно именно местоименное «я»: «я не говорю», но «я алёна». Отметим, что голос автора неповторим, он, очевидно, слышим, в нет какой-то фальши, неправды или умолчания [6]. Закадровый фон обладает контекстом [7], введение в атмосферу эстетической игры [8] для современных авторов особенно важно. Собственно этим они и приметны, этим они и запоминаются. Отметим, что фактор преемственности [9] на новом витке развития отечественной литературы учитывается, но он обладает все же своими особенностями.

Буквальный диалог художественных сознаний, вероятно, не достигим, думается, что частность случая заполняет пространство текста объемнее [10]. Типизация, обобщение – это более сложные варианты решения художественных задач. Индивидуальный импульс проектно достигает эффекта значительно быстрее, для осознания и осмысления в современных реалиях просто не хватает времени. Стоит признать, что мгновенная реакция, скоростной вариант ответа гораздо эффективнее, конструктивнее, привлекательнее. Авторы стараются найти для себя, а также для читателя / слушателя наиболее действенные формы [11] открытого диалога. В данной парадигме, на наш взгляд, провокация с рядом риторических изводов, безусловно, продуктивнее.

Заключение

В рамках данной статьи основной акцент был сделан на вариации использования языковых средств провокации в современной отечественной поэзии. Имена авторов, которые взяты в качестве эмпирической базы находятся на слуху. Базовые формы языковой провокации в лирике, на наш взгляд, сводятся к риторическим фигурам, которые функционально обладают определенным потенциалом значимости. Вектор когниции [12] реализуется в режиме нового использования классических приемов. Риторические вопросы, фигуры умолчания, обращения, пропуска или нивелирования пунктуационных знаков становятся в отечественной лирике действенными. Авторы стремятся с помощью них создать эффект диалога мнений, объективировать двойственность значений, отчасти манифестировать неоднозначность оценки. При этом смысл сказанного доступен, диалогичен, понятен, но, так или иначе, условен. Риторика диалога с читателем у Ирины (Ах) Астаховой, Юлии (Сола) Моновой, Алёны Белавежской, Захара Зорькина, Дианы Никифоровой, Александра (ST) Степанова выстраивается по новым принципам, при этом не исключается, а поддерживается фактор умышленной провокации. Конвенциональная риторика базово становится тем ориентиром, который может быть полностью реализован для достижения целевого результата. Тексты современной поэзии отвечают запросам общества, запросам читательских желаний. Лирический герой, лирическая героиня – это не только номинации идеального порядка, это еще и выбор, или ситуация, которая должна разрешиться. Лирические нарративы, сюжеты стихотворений выстраиваются с учетом явного использования провокационного звена. На наш взгляд, согласен на это читатель, движем этим чувством и автор.

Таким образом, новейшая русская поэзия в ряде указанных имен находится в режиме когнитивного эксперимента. Начало XX века требовало подобных форм, зачастую авторы играли приемами риторической провокации. Поэты-шестидесятники также были вовлечены в ритмику нововведений, успехом пользовались нарочитые экспромты, реверсы в сторону, обыгрывание штампов. Не исключается преемственность и в 20-е годы уже XXI века. Отметим, что диалог творческих сознаний имеет место быть, не прерывается связь языкового толка, но ориентир на пестование чего-то альтернативного выше. Художественные образы Ирины (Ах) Астаховой, Юлии (Сола) Моновой, Алёны Белавежской и других имеют приметы травести, симулякра, двойника, триггера, вариация перевоплощения значима и серьезна для лирики нового времени. Читатель в данном случае является объектом, без которого немислимо продуцирование мысли. Следовательно, границы текста нивелируются, эстетический код дешифруется с помощью открытой провокации. Риторическая конвенция достижима только в условиях равенства, в условиях принятия множества позиций и мнений. Современный литературный процесс обогащается за счет открытого эксперимента с поэтическим словом, стилистической фигурой, языковой формулой.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Волосков И.В., ЧОУ ВПО Национальный гуманитарный институт социального управления, Москва, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.5.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Voloskov I.V., Private Educational National Humanitarian Institute of Social Management, Moscow, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.5.1>

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 500 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — Москва : URSS, 2022. — 264 с.
3. Вайскопф М.Я. Агония и возрождение романтизма / М.Я. Вайскопф. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 600 с.
4. Гридина Т.А. Языковая игра в эргонаминациях: провокативность и эмоционально-коммуникативная рецепция / Т.А. Гридина // *Quaestio Rossica*. — 2023. — Т. 11. — № 1. — С. 243–257. DOI: 10.15826/qr.2023.1.787
5. Шнуров С. СуперСтихи / С. Шнуров, С. Монова, О. Серябкина. — Москва : Эксмо, 2019. — 208 с.
6. Москвин В.П. Интертекстуальность. Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В.П. Москвин. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 164 с.
7. Bezrukov A.N. Intertextuality reception in postmodernist discourse / A.N. Bezrukov // *East European Review*. — 2017. — Vol. 8. — № 2. — P. 263–271. DOI: 10.31648/pw.3585
8. Petersen M.K. A Hermeneutics of Contemplative Silence: Paul Ricoeur, Edith Stein, and the Heart of Meaning / M.K. Petersen. — Lanham : Lexington Books, 2021. — 231 p.
9. Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест / О.А. Проскурин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 462 с.
10. Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход / А.Н. Безруков. — Санкт-Петербург : Гиперион, 2015. — 298 с.
11. Хазагеров Г.Г. Когнитивный потенциал риторических фигур / Г.Г. Хазагеров // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. — 2024. — № 1(47). — С. 57–63.
12. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction* / P. Stockwell. — London : Routledge, 2002. — 193 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki [Questions of Literature and Esthetics] / M.M. Bakhtin. — Moscow : Khudozhestvennaya literatura, 1975. — 500 p. [in Russian]
2. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality] / Yu.N. Karaulov. — Moscow : URSS, 2022. — 264 p. [in Russian]
3. Weisskopf M.Ya. Agoniya i vrozhdeniye romantizma [The Agony and Revival of Romanticism] / M.Ya. Weisskopf. — Moscow : New Literary Review, 2022. — 600 p. [in Russian]
4. Gridina T.A. YAzykovaya igra v ergonomiatsiyakh: provokativnost' i emotsional'no-kommunikativnaya retseptsiya [Language game in ergonomic nominations: provocativeness and emotional and communicative reception] / T.A. Gridina // Quaestio Rossica. — 2023. — Vol. 11. — № 1. — P. 243–257. DOI: 10.15826/qr.2023.1.787 [in Russian]
5. Shnurov S. SuperStikhi [SuperPoems] / S. Shnurov, S. Monova, O. Seryabkina. — Moscow : Eksmo, 2019. — 208 p. [in Russian]
6. Moskvina V.P. Intertekstual'nost'. Ponyatiyny apparat. Figury, zhanry, stili [Intertextuality. Conceptual apparatus. Figures, genres, styles] / V.P. Moskvina. — Moscow : LIBROKOM, 2013. — 164 p. [in Russian]
7. Bezrukov A.N. Intertextuality reception in postmodernist discourse / A.N. Bezrukov // East European Review. — 2017. — Vol. 8. — № 2. — P. 263–271. DOI: 10.31648/pw.3585
8. Petersen M.K. A Hermeneutics of Contemplative Silence: Paul Ricoeur, Edith Stein, and the Heart of Meaning / M.K. Petersen. — Lanham : Lexington Books, 2021. — 231 p.
9. Proskurin O.A. Poeziya Pushkina, ili Podvizhnyy palimpsest [Pushkin's Poetry, or the Movable Palimpsest] / O.A. Proskurin. — Moscow : New Literary Review, 2001. — 462 p. [in Russian]
10. Bezrukov A.N. Retseptsiya khudozhestvennogo teksta: funktsional'nyy podkhod [Reception of the literary text: a functional approach] / A.N. Bezrukov. — Saint Petersburg : Hyperion, 2015. — 298 p. [in Russian]
11. Khazagerov G.G. Cognitive potential of rhetorical figures [Cognitive potential of rhetorical figures] / G.G. Khazagerov // Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanov. — 2024. — № 1(47). — P. 57–63. [in Russian]
12. Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction / P. Stockwell. — London : Routledge, 2002. — 193 p.